

ТЕХНОСФЕРА КАК АРЕНА БОРЬБЫ ДОБРА И ЗЛА

В.М. Фигуровская

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

v_figurovskaya@mail.ru

Статья посвящена дискуссионным вопросам технико-технологической деятельности человечества, его прошлого, настоящего и будущего. Обсуждаются проблемы становления и функционирования техносферы и «цивилизационного тупика», выявляются причины неполноты технического знания и моральной ответственности создателей новой техники перед Природой и будущими поколениями людей. Техника создается людьми в процессе целенаправленной деятельности для усиления естественных физических и ментальных способностей человека, который принципиально не может предвидеть всех последствий внедрения технических объектов в природное взаимодействие, не зависящее от воли и сознания людей. Следовательно, нужно разобраться в том, насколько совпадают (или не совпадают) благие пожелания людей, создающих и использующих технические объекты, с мировым Благом, но это уже является проблемой не технической, а нравственной и онтологической.

Ключевые слова: техносфера, техническое знание, техническая деятельность, технический объект, техницизм, антитехницизм, трансгуманизм, гуманология, моральная ответственность, Благо.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-43-52

Человечество вступило в такой период своего существования, который многие ученые и общественные деятели называют цивилизационным тупиком. Основным признаком «тупиковости» является исчерпаемость природных ресурсов при многократно возросшем техногенном давлении на природу. Природа уже не может справиться с последствиями человеческого вмешательства в свою Систему, что приводит прежде всего к экологическим глобальным кризисам. Футурологи не берутся больше создавать долговременные сценарии будущего, а апокалиптические прогнозы становятся все более угрожающими.

К середине XX века техника превратилась в некоего демиурга, не обслуживающего потребности создавшего ее Человека, но диктующего ему нормы и идеалы образа жизни. Человек столкнулся с тем, что его

собственные возможности не безграничны, а природа начинает довольно жестоко мстить за непродуманное вмешательство людей в ее систему.

Возникшая в конце XIX и бурно развивающаяся в XX веке философия техники обратилась к исследованию прежде всего онтологических и социально-философских проблем роли, функций, возможностей и перспектив развития техники как особого социального феномена. В существующей сегодня литературе в этот феномен вкладывается разное содержание, а само существование техники проявляется как в материальной вещественно-энергетической форме, так и в социальных действиях и ментальных актах. Не ставя перед собой задачу в данной статье рассмотреть все имеющиеся по этому вопросу точки зрения, обратим внимание на их общее ядро.

Как известно, человеческая деятельность принципиально отличается от простой жизнедеятельности животных наличием цели, превосходящей ее процесс и результат и представленной в сознании как образ будущей действительности. Деятельность по конструированию, материальному воплощению и использованию технических объектов является рациональной, осмысленной, в которой целеполагание и целеосуществление представляют собой идеальный и практический процесс реального социального взаимодействия. При этом субъективный смысл действия должен быть общим для его участников. Однако в зависимости от того, каковы векторы их поведения за пределами совместного действия, степень вовлеченности и полученные результаты оказываются различными для включенных в эту деятельность субъектов.

Структура всякой, в том числе конструкторской, деятельности представляет собой цепочку «цель – средство – результат». Цель – это некое представление о будущем, в котором реализуются потенции субъекта. Применительно к деятельности конструктора и практика в сфере технической целеполагание может начинаться с выбора профессии и получения образования. Однако представления человека о его будущей деятельности, ее содержании, возможностях личных достижений в избранной сфере и получении материального вознаграждения отнюдь не объективны; они детерминированы массой не имеющих отношения к сути дела сведений, продиктованных модой, рынком, социально-политическими обстоятельствами, сиюминутными, а не стратегическими потребностями общества и отдельного человека. Можно ли в этом случае говорить о рациональном выборе?

Следующий элемент деятельности – выбор средств целеосуществления. Поскольку конструкторская деятельность всегда предполагает создание чего-то нового, в том числе принципиально нового, ее результат оценивается прежде всего в рамках полезности этого нового. В соответствии с теорией перспектив, развитой Канеманом и Тверски [6], большинство людей в ситуациях неопределенности и риска предпочитают нести потери меньшие, чем возможные выигрыши. Очевидно, что выбор средств деятельности связан не только с наличием или отсутствием в распоряжении субъекта явленных или скрытых знаний о возможном действии и использовании новых технических объектов, но и с пониманием или непониманием последствий их использования. В этом случае представления о добре и зле, справедливости, совести, любви, ответственности могут сыграть куда более решающую роль, чем отстаивание проектов и нововведений в области техники, разработанных «на бумаге».

Результат технической, прежде всего конструкторско-технологической деятельности овеществляется в форме нового технического объекта, который в условиях рыночного хозяйства становится товаром. Предполагается, что экономический подход является всеобъемлющим, поскольку благодаря ему возможно достижение стабильности предпочтений, рыночного равновесия и рационального поведения акторов. Однако и на этой стадии деятельности ценностные ориентиры человека зачастую приходят в противоречие с техническими и экономическими ожиданиями. Тогда с неизбежностью встает вопрос об ответственности за решения и результаты. Получается, что исходные установки рациональной деятельности, которые ма-

нифестированы обществами с рыночной экономикой, такие как принципы равенства, свободы, справедливости, отнюдь не автоматически, но самым различным образом проявляются в деятельности индивидов, социальных групп, государств, а ответственность за их реализацию часто оказывается персонифицированной. В силу этого восприятие ответственности может выглядеть как проявление несправедливости и несвободы.

А теперь, как нам представляется, можно сделать некоторые обобщающие выводы, относящиеся к современному состоянию рыночной экономики и ее технико-технологического базиса. Ж. Бодрийяр в работе «Прозрачность зла» [3] заявил о разложении моральных ценностей, которые превратились в симулякры, в ширмы, за которыми нет ничего. Социальный организм продолжает функционировать, а смысл его существования уже исчез. Основа капиталистического производства выражена идеей богатства. Однако даже если само производство осуществляется наилучшим образом, используя инновации, человеческий потенциал, создавая новые технические конструкции, с помощью которых увеличивается количество и качество произведенных и потребляемых товаров и услуг, исчезает сама «идея богатства». Современные механизмы созидания, хранения и разрушения информации, коммуникации столь избыточны, что она теряет всякую идею полезности и никогда не может быть востребована в полной мере. Возникла ситуация, при которой теряет смысл ее «потребительская стоимость». Даже знание, определяющее возможность рационального выбора, становится симулякром, превратившись в информацию, обозначенную в компьютерных программах. Выбирает уже

не человек, а машина, которой он передоверил свой интеллект.

Обозначенные особенности рационально-иррационального поведения и целенаправленной деятельности создателей новой техники можно рассматривать в качестве причин, приведших к тому положению, которое сегодня обозначается понятием технологического или цивилизационного тупика. Однако существуют фундаментальные онтологические и гносеологические предпосылки для формирования сегодняшней ситуации. Подойдем к этой проблеме со стороны теоретико-познавательной, для чего рассмотрим особенности технического знания.

Специфика технических наук и их взаимоотношение с другими отраслями знания находят свое выражение в механизме становления и развития технического знания. Исторически наиболее важным моментом, определившим последующее развитие технических наук, явился процесс становления научного технического знания, в ходе которого совершался переход от эмпирических сведений практиков к построению технической теории. Возникновение научно-технического знания стало возможным вследствие появления экспериментальной науки, исследующей законы природы. Одновременно оно было подготовлено совокупностью практических (технических) знаний, сыгравших важную роль в процессе возникновения экспериментального метода.

Положение и роль технических наук в структуре современного научного знания обусловлены спецификой их объекта и предмета, а именно тем, что они направлены на исследование «искусственного», т. е. на изучение целесообразно функционирующих структур, создаваемых человеком. Поэтому необходимо рассматривать техни-

ческие науки не столько в «одном ряду» с естественными и общественными науками, сколько в единой системе научного знания, где технические науки представляют особый слой знания, включенный в процессы развития и функционирования современной науки. Дело в том, что естествознание, стремясь постичь объективное, т. е. не зависящее от естествоиспытателя, мироздание, стремится минимизировать те неизбежные искажения, которые вносит исследователь, используя имеющийся в его распоряжении и исторически ограниченный инструментарий: теоретический, практический, мировоззренческий. В технике же, для которой ее усложнение и совершенствование является основным гностическим актом, дело обстоит с точностью до наоборот: объект исследования подлежит постоянному изменению и в соответствии с объективными знаниями, и с интересами, возможностями и целями своих создателей.

Таким образом, можно утверждать, что естествознание и техникзнание существенно различны по своим гностическим методам. Однако существуют и иные точки зрения. Так, среди марксистских исследователей в области философии техники популярна идея о том, что следует говорить о науке и технике как едином социальном феномене в соответствии с известным марксистским тезисом о превращении науки в непосредственную производительную силу общества.

Довольно оригинальную точку зрения высказал немецкий философ П. Яних [12]. Полагая, что наука сливается с техникой в некий комплекс, он, однако, утверждает следующее: деятельность физика, будучи основана на наблюдении, измерении и эксперименте, является технической деятельностью, а сама физика – в некотором

смысле разновидностью техники, описывающей поведение тех или иных артефактов. При этом сама физика как наука основана на применении приборов, которые также суть технические артефакты. Более того, с точки зрения физики научный результат становится таковым, когда мы от простого наблюдения объективных вещей можем перейти к их измерению. А любое измерение есть не что иное, как деятельность по производству искусственных, т. е. технических, явлений, поскольку любой измерительный прибор по своей природе является продуктом человеческой культуры. Даже время, будучи объективной формой бытия, в человеческих измерениях квантуется в соответствии с темпоральными представлениями, выработанными в рамках исторических форм человеческой культуры. И когда речь идет о физическом эксперименте как о наиболее достоверном способе проверки теоретических предположений, его организацию и процесс проведения следует рассматривать в качестве специальным образом организованного искусственного объекта, поскольку для его постановки необходимо технически реализовать искусственные условия, позволяющие варьировать поведение исследуемого объекта. Яних делает вывод о том, что скорее естествознание является следствием развития техники, а не техника возникает как применение естественных наук.

Если исходить из идей ноосферного мировоззрения, высказанных Т. де Шарденом [9] в рамках теологии или учения В.И. Вернадского [4], в основе которого лежат естественно-научные представления о возникновении и эволюции нашей планеты, дальнейшая история человечества связывается с его космической экспансией и дальнейшим технократическим миропо-

рядком. Позже учение Вернадского, развитое в работах Н.И. Моисеева, существенно обогатилось идеей коэволюции человека и биосферы [7], однако и эта идея приобрела все более технократическую окраску, оказывая все большее влияние на поведение политических и общественных деятелей и принятие ими соответствующих государственных решений. Можно сказать, что с этим связаны технические проекты освоения космоса, строительство глобальных экспериментальных научно-технических установок и т. д.

Уже в последние десятилетия XX века встал вопрос о том, что достижения естественных и технических наук в их предметной интерпретации не могут решить проблем, имеющих глобальный, прежде всего экологический, характер. Острота указанного момента вполне проявила себя тогда, когда усилилось создание компьютерной техники и ее влияние в практической и ментальной сфере деятельности. Не углубляясь далее в анализ гносеологических и социальных проблем компьютеризации, обратим внимание еще на один исторический факт формирования техносферы. Возникла специфическая область творчества, связанная с созданием сложной техники, – инженерия, следствием чего оказалось становление техницистского мировоззрения. Его суть сводится к тезису: как только человек осознает потребность в новом товаре и средстве его получения, так сразу же он формулирует техническую задачу как условие достижения цели. Он прибегает к чисто техническим способам решения, исходя из того что все проблемы можно решить, если для этого существует достаточно технических возможностей, людских и финансовых ресурсов. Английский футуролог Д. Гейбор даже сформулировал закон технической ци-

вильзации: «Что может быть сделано, обязательно будет сделано, причем вред, порождаемый техникой, может быть компенсирован опять же техникой» [5].

Горячо обсуждаемая в 40-х – 50-х годах XX века проблема «Может ли машина мыслить?» разрешилась вполне практическим образом: искусственный интеллект гораздо эффективнее, чем разум обычного человека, справляется с решением не только математических, экономических, организационных задач, но и «разрабатывает» сценарии формирования общественного мнения и социального поведения. Виртуальная реальность зачастую становится более значимой, чем реальность естественная. С помощью интеллектуальной техники создаются принципиально новые технологии обработки всех сторон современной жизни. К примеру, для оценки состояния природных процессов так же, как и состояния здоровья человека, используется компьютерная диагностика; в сфере искусства широкое распространение получила компьютерная графика; организация массовых мероприятий успешно происходит в социальных сетях Интернета; зависимость от компьютерных игр уже сопоставима с наркозависимостью и т. д. С одной стороны, создатели новой компьютерной техники и компьютерных программ теряют власть над созданным продуктом, а с другой – некоторые из них начинают себя считать демиургами, приобретшими неслыханную власть над миром. Эта ситуация усиливает технократические идеи и их влияние на мировоззрение современников. Сегодня с техницистских позиций истолковывается буквально все. Сторонники идеологии технологического оптимизма уверены, что все возникающие проблемы можно решить при помощи техники.

С другой стороны, сторонники анти-технизма ищут все зло, с которым сталкивается современная цивилизация, в самой технике. Их призывы сводятся к лозунгам: «Жизнь ближе к природе» и «Долой достижения технического прогресса». Очевидно, что не только инженерам нужно решать социальные и экологические последствия нашего непродуманного вмешательства в космопланетарные процессы. Философия техники, обращаясь к исследованию самого феномена техносферы, обнаруживает истоки техногенных и социальных кризисов в том, что реально сложился некий замкнутый технологический цикл, подобный так называемому круговороту энергии и вещества в природе. Сегодня происходит формирование новой техногенной среды, которая вобрала в себя планетарную природу, культуру и ноосферу.

Созданная людьми техносфера начинает функционировать и эволюционировать по своим собственным законам, не зависящим далее от интересов и целей их создателей. Бихевиористы заговорили о появлении особого «духа» машины, который самопроизвольно активен и не подчиняется человеческой воле. Один из выводов автора этой концепции К.М. Сэйра состоит в том, что в конечном счете нет принципиальной разницы между физическим и психическим [2].

Сегодняшняя ситуация многими исследователями рассматривается как тупиковый путь цивилизации. Все ли так безнадежно и возможны ли выходы из тупика? Для того, чтобы писать сценарии и принимать решения об их реализации, нужно изменить многие устоявшиеся стереотипы понимания сущности техники, человеческой деятельности и самих смыслов человеческой жизни. Недостаточно, да и невозможно ка-

кими-либо запретами ограничивать человеческую активность, но можно и нужно формировать новое мировоззрение. Речь прежде всего должна идти о преодолении безудержного потребительского отношения человека и общества к природе и к своим собственным желаниям. Помощь в этом направлении должна идти и извне, со стороны воспитательных органов, и как сознательное самоограничение в соответствии с истинным пониманием сущности свободы. Это означает формирование культуры, основанной на космопланетарной идее, что предполагает долгий и непростой путь истории нового человечества. Отказываться от всех благ цивилизации – утопия, но сами блага, их ценность, качество и количество также следует переосмыслить.

Именно поэтому для работ по оценке техники потребовалась не просто социологическая и методологическая, а философская основа. И на философском уровне эта проблема обсуждалась в США в работах В. Байера, К. Парсела, Г. Портера, Г. Решера и др., посвященных проблемам аксиологии техники, методам ее оценки, совершенствованию планирования технических инноваций и т. д. Отмечалось, что совершенное, достоверное, теоретически обусловленное планирование технического прогресса было бы равнозначно попытке стилизации исторического процесса по некоему заданному образцу. Не говоря уже об издержках, с которыми неизбежно связана подобная попытка и которые в демократическом обществе недопустимы, а также оставляя в стороне необходимость жестких методов регламентации, отметим, что даже в такой «идеальной» схеме технической инновации неизбежны ошибки – хотя бы на уровне принятия решения. Где гарантии того, что это решение – «хорошее»? И, поскольку невозможно предви-

деть изменение ценностных ориентаций будущих поколений, нельзя гарантировать и того, что даже «хорошее» решение, принятое сегодня, останется «хорошим» и для наших потомков.

Близко к этой проблеме примыкают дискуссии о так называемом «инженерном идиотизме». Речь идет о таких технических проектах, создатели которых допустили ошибку еще на стадии целеполагания, сознательно или бессознательно пренебрегая группой значимых факторов. В силу этого рационально и творчески разработанный проект при реализации порождает массу проблем, заставляющих современников усомниться в здравом уме его разработчиков. Сомнения эти, как правило, беспочвенны. Дело в том, что инженерное знание, как и вся человеческая практика, организовано в согласии с принципом разделения труда, поэтому разработчики, будучи узкими специалистами, исходят в своей деятельности из методов, присущих их областям инженерной науки. Порождаемые же конфликтные последствия оказываются за пределами этих методов.

Должна также трансформироваться техносфера. До сих пор развитие техники как искусственно созданных орудий и средств деятельности, усиливающих человеческие способности, вело ко все возрастающему отдалению человека от природы и ухудшению как среды обитания, так и организменной природы человека. Можно предположить, что, если бы история пошла не по пути технизации, а по пути «биомизации», она могла бы быть другой. В монографии автора [10] эта проблема обсуждается в некоей гипотетической форме. Речь идет о том, что, например, вместо того чтобы изобретать колесо (а затем паровоз, самолет, ракету и т. д.) для более быстрого передвижения, можно было бы «отрастить крылышки» у челове-

ка, а вместо постройки космических ракет решить проблему нуль-транспортровки. Естествознание ставит своей целью выявление законов природы, социология пытается выявить законы социума, технознание еще только нащупывает объект и предмет своего исследования.

В этих новых обстоятельствах обозначилась принципиально новая концепция, получившая название трансгуманизма. Ее суть состоит в том, что человек как *Homo Sapiens* себя исчерпал, поскольку его технические достижения позволили не только создавать интеллектуальную технику, но и преодолевать с помощью компьютерных и генетических технологий те ограничения, которые накладываются на него природой. Возникшее в конце XX века в США движение трансгуманизма связывает дальнейшую эволюцию разума с бурно развивающимися информационными системами, вытесняющими биологически конечных и информационно ограниченных «человеков». Чем скорее люди поймут неизбежность такой перспективы, тем важнее для их сохранения окажется внутренняя технизация, позволяющая естественные органы человеческого тела заменять усовершенствованными техническими конструкциями. В конце концов сформируется новая цивилизация постгуманитарного техноорганизма, в котором отсутствует индивидуальная самоидентификация и тот необходимый для человека атрибут, который принято обозначать неформализуемым понятием «человечность».

В начале XXI века появилась иная теория, получившая название «гуманология» [11]. В ней представлены две разные аргументации, опровергающие тезис о гибели человечества в связи с достижениями в области компьютеризации, искусственно-

го интеллекта и создания киберустройств. Первая связана с теологией и сформулирована в тезисе о том, что Бог сотворил человека по образу и подобию своему, сделав человека свободным, Он вовсе не делегировал человеку права наделять такой же свободой человеческие изобретения и передавать им интеллектуальную эстафету, не говоря уже о других качествах человечности – стремлении к истине, добру, красоте, а также о переживаниях греха, наличии совести, стремлении к справедливости и святости. Поэтому и в новой ситуации высокого технологического развития человек, оставаясь под защитой своего Творца, не может быть приниженным и тем более исчезнуть как мыслящее и совершенствующееся в своем духовном развитии существо.

Другая линия защиты в пользу самосохранения человечества проводится в рамках новой концепции, предложенной гуманологией с позиций вполне научно-технических. Человек рассматривается не только как конструктор техносферы и одновременно ее часть, но и как создатель самодействующих форм разума, переступивший свои видовые границы. Следствием оказывается возможность трансформации человека в процессе создания форм, потенциально превосходящих антропологические формы разума. С этой точки зрения идея ноосферы приобретает новый смысл и заставляет в ином ключе исследовать вечные смыслы Бытия.

Вопросы морали становятся все более значимыми в философии науки и техники. Э. Агацци, обсуждая проблемы научного этоса [1], утверждает, что профессиональная деятельность ученого и инженера тесно вплетена в мировоззренческую систему ценностей общества и не может быть отделена от общих социальных целей познания и гуманистических идеалов, хотя все воз-

можные взаимосвязи невозможно рационально осмыслить.

В тот период, когда человечество вступило на путь преобразования не только природы, но и самого человеческого организма, новая технологическая волна затрагивает не только интересы и цели людей, творящих новую реальность, но и сами основы мироздания. С особой остротой встает вопрос о том, является ли этот процесс благом для человечества. Тогда нужно обсудить проблему, которая и составляет предмет философии техники, в новом ракурсе: что составляет сущность техники и техносферы? Почему техносфера перестала быть органической частью отлаженной системы? Или, как и во Вселенной, катаклизмы и кризисы эволюции – нормальный процесс, а техногенный тупик, в котором оказалось человечество, – некий «пробный шар», вызов, брошенный нам трансформирующимся миром? В таком случае именно техносферу можно рассматривать в качестве того феномена, в котором наглядно реализованы те добрые намерения, которыми выстлана дорога в ад. Именно на ее примере мы видим, каким образом этические категории Добра и Зла раскрывают сущность мирового Блага, составляющего фундамент той гармонии, которая определяет всеобщие законы мироздания.

Как известно, в философии учение о благе как высшей идее, детерминирующей мироустройство, принадлежит Платону. Условия высшего человеческого блага Платон перечисляет в «Филебе»: 1) участие в вечной природе «идей», т. е. включенность человека в естественный генезис мироздания; 2) овеществление «идей» в реальном мире; 3) способность разумно мыслить и получать знания о мире и «идеях»; 4) владение науками, искусствами и правильными мнениями.

ми; 5) способность получать истинное чувственное удовольствие [8]. Если применить платоновские мерки к оценке техносферы, можно представить, каким образом гармония и дисгармония Добра и Зла, заключенные в несбалансированной технико-технологической реальности, приводят к глобальным кризисам в Природе и человеческом обществе. Но эти вопросы мы собираемся обсуждать в следующей статье, где более подробно будут рассмотрены работы, посвященные «гибридной реальности», НБИКС-конвергенции, феномену «постлюдии» и т. д.

Литература

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники: пер. с англ. – М.: Московский философский фонд, 1998. – 344 с.
2. Философия техники XX века / Х. Блюменберг, К.М. Сэйр, Ж. Эллюль, И. Байер, Ф. Ранц, Н. Яних. – М.: Центр гуманитарных технологий, 1998. – 398 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла: пер. с фр. – М.: Добросвет, 2000. – 208 с.
4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1991. – 110 с.
5. Традиционная и современная технология: (философско-методологический анализ) [Электронный ресурс] / отв. ред. В.М. Розин; Российская академия наук, Институт философии. – М.: ИФРАН, 1999. – 216 с. – URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/1999/Tradic_tekhnologiya_1.pdf (дата обращения: 31.08.2015).
6. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 4. – С. 31–42.
7. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы: эколого-политологический анализ // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 3–30.
8. Платон. Филеб. 64С сл. и 66А сл. // Платон. Сочинения. В 3 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3, ч. 1. – С. 9–87.
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: пер. с фр. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
10. Фигуровская В.М. Техническое знание: особенности возникновения и функционирования. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. – 192 с.
11. Энттейн М. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. – 2009. – № 2. – С. 91–105.
12. Яних П. Физика – естественная наука или техника? // Философия техники в ФРГ: сборник статей: пер. с нем. и англ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 287–314.

TECHNOSPHERE AS ARENA OF THE FIGHT BETWEEN GOOD AND EVIL

V.M. Figurowskaja

Novosibirsk State University
of Economics and Management

v_figurovskaya@mail.ru

The article is devoted to discussion questions technological activities of humanity, its past, present and future. Discusses the problems of formation and functioning of the technosphere and “civilizational impasse, identify the causes of incomplete technical knowledge and moral responsibility of the creators of new technology against Nature and future generations of people. Technology is created by people in the course of purposeful activity to enhance natural physical and mental abilities, which can never foresee all the consequences of the introduction of technical objects in natural interaction that is not dependent on the will and consciousness of people. Therefore, you need to understand how a match (or not match) good

wishes of people creating and using technical objects, with the global Good, but it is already a problem not technical, but moral, and ontological.

Keywords: technosphere, technical knowledge, technical activities, technical object, technicism, antisemitism, transhumanism, humanology, moral responsibility, the Benefit.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-43-52

References

1. Agazzi E. *Right, wrong and science: the ethical dimensions of the techno-scientific enterprise* (Russ. ed.: Agatstsi E. Moral'noe izmerenie nauki i tehniki. Translated from English. Moscow, Moskovskii filosofskii fond Publ., 1998. 344 p.).
2. Blyumenberg Kh., Seir K.M., Ellyul' Zh., Baier I., Ranp F., Yanikh N. *Filosofiya tekhniki XX v.* [Philosophy of technology XX century] Moscow, Tsentr gumanitarnykh tekhnologii Publ., 1998. 398 p.
3. Baudrillard J. *La Transparence du mal: essai sur les phénomènes extrêmes.* Paris, Galilee, 1990 (Russ. ed.: Bodriyar Zh. Prozhachnost' zla. Translated from French. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 208 p.).
4. Vernadskii V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie* [Scientific thought as planetary phenomenon]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 110 p.
5. Rozin V.M., ed. *Tradicionnaja i sovremennaja tehnologija* [Traditional and modern technology]. Available at: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/1999/Tradici_tekhnologiya_1.pdf (accessed 31.08.2015).
6. Kahneman D., Tverski A. *Racional'nyj vybor, cennosti i frejmy* [The rational choice: values and frames]. *Psichologicheskij zhurnal – Psychological Journal*, 2003, vol. 24, no. 4, pp. 31–42. (In Russian)
7. Moiseev N.N. *Sovremennyi antropogenez i tsivilizatsionnye razlomy: ekologo-politologicheskii analiz* [Modern anthropogenesis and civilizational breaks: ecological and political analysis]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 1995, no. 1, pp. 3–30. (In Russian)
8. Platon. Fileb. 64S sl. i 66A sl. [Fileb. 64S etc. i 66A etc.]. *Platon. Sochineniya.* V 3 t. T. 3. Ch. 1 [Works. Translation from the ancient Greek. In 3 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1971, vol. 3, pt. 1, pp. 9–87. (In Russian)
9. Teilhard de Chardin P. *The phenomenon of man.* 2nd ed. New York: Harper, 1965. 319 p. (Russ. ed.: Teiyar de Sharden P. *Fenomen cheloveka.* Translated from French. Moscow, Nauka Publ., 1987. 240 p.).
10. Figurovskaya V.M. *Tekhnicheskoe znanie: osobennosti vozniknoveniya i funktsionirovaniya* [Technical knowledge: specifics of origin and development]. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian Branch, 1979. 192 p.
11. Epshtein M. *Tvorcheskoe ischeznovenie cheloveka. Vvedenie v gumanologiyu* [The creative disappearance of humans. An introduction into humanology]. *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*, 2009, no. 2, pp. 91–105. (In Russian)
12. Janich P. [Physics – natural science or technology?]. *Filosofiya tekhniki v FRG: sbornik statei* [Philosophy of technology in West Germany: digest of articles. Translated from German and English]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 287–314.